

ЗЕРНА ПРАВСТВЕННОСТИ

У нас в Армении редко когда произносят «завтракать», «обеждать», «ужинать», хотя эти слова, конечно, в лексиконе есть. У нас говорят «кушать хлеб». И когда вас приглашают к столу, так и говорят: «Кушайте хлеб». Говорят, даже если на столе одно только молоко. Так повелось исстари: хлеб — главное кушанье...

О хлебе писалось много. Его воспевали в легендах и сказаниях. Ему посвящены песни и романы. Писали о том, как в блокадном Ленинграде люди, умирающие с голоду, сумели сохранить уникальные сорта пшеницы.

Одна из моих повестей посвящена хлебу. Она так и называется «Хлеб». Главный герой, одноногий инвалид, потомственный хлебопек, волею трагической судьбы попал на Крайний Север, где выпек свой хлеб. Аборигены края, никогда ранее не видевшие хлеба и не имевшие этого слова в своем лексиконе, назвали хлеб именем своего хлебопека. Багратом. Они так и говорили: «Баграт», «Баграт вкусный». И герой мой через всю свою жизнь, как эстафету, пронес эту великую честь, великую ответственность — доверие народа.

Сегодня я пишу не о хлебе, а о... хлебных отходах. Сказать, что этих отходов много, значит ничего не сказать. Сказать, что хлеба мы стали производить много, а стало быть (?!), и отходов больше, значит предать хлеб... Подсчитано, что ежегодно в стране идет в «отходы» шесть-семь миллионов тонн хлеба. Это примерно четыреста миллионов пудов. Старшее поколение представит, что это за цифры — четыреста миллионов, богатство целого государства...

Конечно, можно утешаться тем, что отходы, мол, не пропадают, идут на корм скоту... Но вот вспоминается мне Камчатка, постановление Петропавловского горисполкома за № 282: «Обязать трест благоустройства города и жилищно-коммунальные отделы ведомств обеспечить учет и своевременную вывозку пищевых отходов, собранных у населения, на пред-

приятнях общественного питания и торговли, в медицинских и детских учреждениях, школах-интернатах, бесплатно своим транспортом в специальные пункты...» Через некоторое время горисполком вынужден был сотворить еще одно решение — «О выполнении постановления № 282». И это не дало желаемых результатов.

Приведу выдержки из постановлений, рожденных в Армении. «Разработать комплекс мероприятий, обеспечивающих безусловное выполнение постановления об организации сбора пищевых отходов...» Почти во всех решениях можно встретить уже знакомые слова: «обязать», «установить», «поручить», «отметить», «ускорить», «рассмотреть» и, конечно, «разработать». И далее, как это было на Камчатке, как это делалось везде, постановления завершаются привычной фразой: «Поручить Комитету народного контроля установить строгий контроль за ходом выполнения настоящего постановления и ранее принятых постановлений».

Я долго беседовал с председателем Комитета народного контроля Армянской ССР. Оказалось, народные контролеры регулярно проверяют ход выполнения постановлений. Комитет выносит свои решения, готовит справки. Наконец, наказывает виновных. А воз и ныне там. И не просто воз, а набитый хлебом.

Наверное, нужен специальный разговор о том, как выполняются, а вернее — не выполняются решения о заготовке пищевых отходов. Я говорю сейчас о самом факте: хлеб на свалке! Хлеб, эта величайшая драгоценность, — на свалке... Вы видели, чтобы в помойных ямах лежали бриллианты? Отчего же мы бросаем туда хлеб? Как вообще может жить это понятие — «хлебные отходы»? Понимаю, когда в отходы идут кости от мясных туш, стружка от обработки деталей, но хлебные отходы — не понимаю...

Мы живем в эпоху сложнейших математических расчетов, так неужели трудно рассчитать хлебный бюджет на семью, чтоб не превращалась в черствый хлеб политая потом хлебобоба буханка? Неужели нужна ЭВМ, чтобы вычислить порцию хлеба, подаваемую к столу, в кафе, ресторане? Вы никогда не видели, как свежайший хлеб, испеченный, может, час назад, сметается одним махом с ресторанного стола в мусорное ведро? Так поглядите, явление это совсем не редкое...

Бывший фронтовик, заслуженный журналист республики Александр Ахумян в газете «Коммунист» напечатал статью о

хлебе. В ней он привел данные. Самые приблизительные. С каждого так называемого посадочного места за день сметается в помойное ведро около двухсот граммов хлеба. В Армении около ста девяноста тысяч посадочных мест в системе общепита. Значит, ежедневно выбрасывается более тридцати тонн свежего хлеба.

Мой народ на бесконечных дорогах гонений изобрел лаваш. Тонкий, как лист бумаги, который практически не портится. Он только высыхает, и стоит обдать водой — свежее на глазах. Сама жизнь заставила, я бы даже сказал — обязала армян творить такой хлеб. И вдруг — хлеб на свалку...

Но больше всего, пожалуй, поразил меня вид большого куса хлеба, с полбуханки, валявшегося на берегу Севана. Я сошел на берег вместе с гостями, которые восхищались красотами высокогорной жемчужины и в то же время печалились по поводу драматической судьбы озера. И вдруг под ногами этот хлеб. Заваленный в пляжном песке хлеб. Как укор. Как пощечина. Судьба Севана драматична потому, что уровень его за последние четыре десятилетия упал на восемнадцать метров. Народу нужен был хлеб. И воды Севана шли на поля. Шли на будущий хлеб. Теперь вот на берегу обмелевшего озера валяется тот самый хлеб, который взращен его водой. Даже не на берегу, а на бывшем дне, ставшем берегом ради хлеба и жизни.

Наверное, едва ли не в каждом втором из нас есть кровь предков-хлебопашцев. Так откуда это сегодняшнее расточительное отношение к хлебу у их потомков? Неужто вид семи миллионов тонн, ежегодно уходящих в отходы, сделал варварское привычным, притупил всегдашнюю душевную боль за хлеб? Неужто тот факт, что великое наше государство никогда, ни при каких обстоятельствах не оставит нас без хлеба, позволяет взрослым людям с беспечностью ребенка относиться к этому сокровищу?

Увы, порой не только беспечность превращает хлеб в отходы, идущие на корм скоту, а... расчет. Мне говорили про объективные причины. Про то, что во всех постановлениях и решениях о пищевых отходах есть пункт, запрещающий вывозку их (кроме мельничных) без предварительной термической обработки. А поскольку почти нигде в стране нет специализированных цехов, где могли бы делать такую обработку, перерабатывать отходы в сухие гранулированные корма, то вместо этих запланированных кормов в дело идет хлеб... Особенно этим злоупотребляет частник. Нет кормов — не беда. Всегда можно

за рубль купить буханок десять хлеба, целый мешок... И стоит ли искать с укором в людях гены предков-хлебопашцев, когда сегодняшние жители села, лучше других знающие цену хлебу, подчас откармливают им скотину?

Мне могут сказать: обстоятельства вынуждают, сами же знаете, что нет, не хватает гранулированных кормов, цехов, которые бы их производили... Тогда ответьте — почему же нет этих цехов? Почему жители села должны переживать эту душевную драму — кусок хлеба, политый собственным потом, подкладывать свиньям в кормушку?..

И можно было бы приводить еще десятки цифр, одна горше другой. Но есть ведь не только экономический, но и моральный счет потерям хлеба. Мы, кто стремится воспитать своих детей, подрастающее поколение в святом уважении к труду, — что скажем мы детям, видящим куски хлеба на свалке? О, разумеется, мы скажем — и говорим — ребенку самые нужные слова о хлебе. И делаем это совершенно искренне — убежден, что каждый, без исключения, огорчен тем, что хлеб выбрасывается. Но это все эмоции.

...По утрам я веду своих детей в садик. Случается, на дороге валяется кусок хлеба. Я непременно подниму его и делаю это демонстративно. Делаю так, чтобы дети не просто видели, но и обратили внимание. Обычно я пристраиваю такой кусок где-нибудь в рогатине дерева. Птицам хоть достанется. Чего добру пропадать. И все же в глубине души я не обнаруживаю удовлетворения от такого вот, видите ли, воспитательного акта. Поднять хлеб, конечно, надо. Тут и спорить вроде бы нечего. Но как объяснить ребятам, почему он оказался на пыльной дороге? Почему, зачерствев, не превратился, скажем, в сухари, которые в домашних условиях получаются обычно гораздо вкуснее, чем те, подслащенные, что продаются в магазинах? Причем продаются далеко не в каждом городе.

Дело, разумеется, не только в том, что зачастую нет ни рекомендаций, ни приспособлений для приготовления в домашних условиях сухарей из зачерствевшего хлеба. И вообще не думаю, что решение проблемы — в изготовлении сухарей или в том, чтобы объяснить всем и каждому, насколько для многих людей черствый хлеб полезнее свежеиспеченного. Речь идет не о частных случаях: ну, в кои-то веки в доме остался так называемый «лишний» хлеб. Мало ли что бывает... Речь о системе. Об обыденности. О том, что у людей, увы, атрофировалось чувство нравственного отношения к хлебу и не кажется им святотат-

ством выбросить хлеб в помойное ведро. В ведро, вмещающее ежегодно семь миллионов тонн...

Необходимо, чтобы вновь проросло нравственное зерно, чтобы, как встарь, страх перед святотатственным актом сковал руки. Поднять в душе уважение к хлебу, проходящему долгий, труднейший путь, прежде чем попасть к нам на стол, — вот что необходимо сегодня... Неужели не найдем мы нужные слова, чтобы объяснить, внушить, воспитать? Были педагоги, которые такие слова находили.

В прошлом веке выдающийся писатель Глеб Успенский писал: «От тоненькой зеленой травинки в полной зависимости хлебопашец, в полной ее власти. А эта тоненькая зеленая травинка в свою очередь только через год, почти день в день принесет на мужицкий стол ломоть хлеба, но может и не принести — она сама во власти каждой тучки, каждого ветерка, каждого солнечного луча...»

И сегодня, несмотря на активное внедрение современной науки и техники в сельское хозяйство, все еще будущее урожая в какой-то степени — и немалой! — находится во власти «каждой тучки, каждого ветерка, каждого солнечного луча». Словом, во власти, так сказать, Бога.